

РЕПОРТАЖ из ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

ПУТЕШЕСТВИЯ
ВСТРЕЧИ
ВЛЕЧАТЕЛЬНЫЕ

УИЛФРЕД БЭРЧЕТТ

Австралийский журналист

Господин Данг Тхан Чон, вице-президент Федерации молодежи, борющейся за освобождение Южного Вьетнама, сообщил мне, что 500 тысяч молодых патриотов в возрасте от 16 до 25 лет зарегистрировано ее членами; 100 тысяч из них покинули свои деревни, чтобы вступить в вооруженные силы и другие организации НФО и что в это число не входят партизаны «местной самообороны». Он добавил также, что 50 процентов членов этой федерации, оставшихся в деревнях, намерены присоединиться к партизанам «местной самообороны». Господин Чон, спокойный серьезный молодой человек, перечислил первоочередные задачи организации: вовлечь максимальное количество молодежи освобожденных районов в регулярные вооруженные силы и партизанские отряды; использовать все формы борьбы, чтобы сорвать призыв на военную службу молодежи в контролируемых Сайгоном областях; призвать молодежь этих областей переходить на сторону НФО и вступать в его вооруженные силы; ускорить ликвидацию «стратегических деревень»; укреплять и совершенствовать боевые деревни НФО.

...Около семи часов утра 18 февраля, когда я еще спал в сетке, подвешенной между двумя каучуковыми деревьями на плантации километрах в 15 от Сайгона, мне неожиданно предложили срочно спуститься через ближайший лаз в тайное укрытие. Рота парашютистов с тремя американскими советниками во главе внезапно появилась на плантации всего в нескольких сотнях метров от нас. Стычка

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 8 за 1964 год.

могла произойти в любой момент. Однако ни лаз, ни укрытие не были рассчитаны на мои габариты, я и предпочел один из полукруглых окопов, которых на плантации оказалось множество. В некоторых из них сидели бойцы, охранявшие мою безопасность, и теперь они находились в состоянии полной боевой готовности.

Парашютисты — они добрались пешком с соседней учебной базы Трунг-Хоа — разделились на две группы. Заметив метров со ста расположение двух наших позиций, они моментально залегли, и обе группы открыли пулеметный огонь, тогда как еще одна принялась устанавливать минометы. Сразу же был открыт ответный огонь, три парашютиста были ранены, а американцы с быстротой молнии скатились в окоп, откуда они настойчиво призывали парашютистов захватить наши позиции. Но бой кончился, и парашютисты отступили, а американцы убежали столь стремительно, что оставили свой дневной паек.

Местные партизаны были возмущены, что охрана, состоявшая из бойцов регулярной армии Национального фронта освобождения, так рано открыла огонь — со ста метров вместо 10—15, предпочитаемых ими. «Так вы никогда не захватите их оружие, — сказал один из них, — если бы вы повременили, можно было бы уничтожить их всех». Было ясно, что охрана открыла огонь, чтобы «напугать, а не уничтожить» врага, так как отвечала за безопасность «иностранный друг». Нужно было видеть это собственными глазами, чтобы поверить — рота парашютистов отступила лишь из-за трех раненых, но я уверен, что это в порядке вещей.

Некоторое время спустя я должен был участвовать в операции вблизи столицы провинции Тай-Нин, в результате которой за ночь 16 и 17, а также за утро 18 марта были уничтожены три поста и разрушены три «стратегические деревни», причем в их защиту не было сделано ни единого выстрела. Ни одного отряда, ни одного самолета не было послано им на помощь.

Ночью 16 февраля я лишний раз убедился, каково моральное состояние войск противника. Меня разбудили в моей противомоскитной сетке, чтобы проводить к трем партизанам, только что прибывшим с интересными новостями. Было 10.45 вечера, но на просьбу отложить рассказ до утра мне ответили, что они час отдохнут, а затем снова двинутся в путь. Меня проводили на опушку, где на пнях были рас-

ставлены маленькие партизанские лампы, сделанные из флаконов из-под французской парфюмерии и небольших гильз, которые освещали неровным трепетным светом лица трех усталых, но торжествующих партизан. Три часа назад они взорвали в центральном, предназначенном «только для американцев» кинотеатре Сайгона десятикилограммовую пластическую бомбу.

«В кинотеатр легче всего было проникнуть через боковой вход, — начал рассказ первый партизан, организовавший нападение и прикрывавший отход своих товарищей, — но около него стояли три вьетнамца. Если бы они оказались переодетыми полицейскими и попытались задержать нас, мы были бы вынуждены убить их, нарушив таким образом решение о прекращении огня во время лунного Нового года. — (Национальный фронт освобождения в одностороннем порядке заявил о семидневном прекращении огня, начиная с полуночи 11 февраля.) — Глав-

ный же вход охраняли двое американских полицейских, а двое вьетнамцев, которые, как мы подозревали, были полицейскими в штатском, находились на тротуаре, еще один стоял рядом с американцами. Было ясно, что американцы попытаются остановить нас и что именно они будут убиты».

Второй партизан, рослый, молодой крестьянин с сосредоточенным, суровым выражением лица, продолжил рассказ: «Все нужно было сделать быстро. Сеанс оканчивался через десять минут. Мы, — он указал на третьего партизана, который и подложил взрывчатку, — двинулись прямо ко входу. Полицейские попытались остановить нас, вытащив пистолеты. Двумя выстрелами я убил их, сначала того, который был слева, затем — справа. Быстро повернувшись к вьетнамцам на тротуаре, я приказал им убираться. «Мы не убиваем вьетнамцев, потому что сегодня Тет (лунный Новый год)», — закричал я, и они убежали, спасая свою шкуру. В это время третий

Южно-вьетнамские партизаны в боевом походе.
Фото автора

набросился на меня и ранил в плечо. Наган выпал у меня из руки, но я сбил врага с ног. Он попытался вытащить револьвер, но я швырнул гранату со слезоточивым газом, схватил наган и застрелил его».

«В это время, — продолжал третий партизан, тоже крестьянин, но с задумчивым лицом поэта, — я проник со взрывчаткой через глазной вход. Стрельба всполошила американцев, находящихся в зале, и двое из них накинулись на меня, схватили за горло и начали душить. Я умудрился выдернуть предохранитель и оба американца так смертельно перепугались, что отпустили меня и кинулись вверх по лестнице. До взрыва оставалось десять секунд, и у меня хватило времени, чтобы положить мину в проход и выйти, закрыв за собой стальную, непробиваемую дверь. И сразу же раздался мощный взрыв».

«Вы хотели взорвать себя вместе с американцами?» — спросил я. «Конечно», — ответил он, а второй партизан добавил: «В Сайгоне тысячи солдат, подобно нам, готовы пожертвовать собой в любой момент, но мы хотим, чтобы за каждого из нас американцы заплатили пятью или десятью жизнями». «Были ли в кино женщины и дети?» — спросил я. «Американцы плюют на наших женщин и детей! — вскричал второй партизан. — В кинотеатре были те летчики, которые день за днем слепо бомбят и обстреливают наши деревни и все живое». А первый партизан добавил, что несколько месяцев назад 12-летняя сестра его товарища, подложившего взрывчатку, вместе с 16 другими школьниками была убита, когда их школа в деревне Дон-Тхуан, километрах в 30 севернее Сайгона, подверглась бомбардировке и ураганному обстрелу.

После нападения на кинотеатр, во время которого, согласно официальному сообщению Сайгона, три американца были убиты и 57 ранено.

В качестве одного из примеров низкого морального духа сайгонских войск можно привести мою встречу с четырьмя американскими старшими сержантами, захваченными в плен в ночь с 23 на 24 ноября 1963 года в районе Хиен-Хоа. Учитывая, что они были специально отобраны для обучения вьетнамцев ведению войны против партизан, или, как сказано в их руководстве по «специальной войне», против «контрмятежей», небезынтересно узнать, что все четверо были захвачены безоружными. Во время же операции по уничтожению их лагеря, закончившейся захватом такого количества оружия, которого хватило бы для вооружения целого батальона войск Вьетконга, кажется, не было произведено ни одного выстрела. Вот имена этих сержантов: Джордж Смит (Западная Виргиния, Честер, Кэрролайн-авеню, 255), Иссак Камачо (Техас, Эль-Пасо, Алканстрит, 10357), Клод Мак-Клер (Теннесси, Чаттануга, 3, 8-я улица, 1026), Кеннет Роунбэк (Северная Каролина, Фейеттвилл, Томас-авеню, 3525). Роунбэк, ветеран корейской войны, прослуживший 15 лет, — единственный из четырех не спал во время нападения — около полуночи. «Я писал письмо жене, — сказал он. — Что же произошло? Они называли наш лагерь тренировочным. В действительности же, подобно многим другим, он служил лишь неподвижной мишенью — его можно было уничтожить в любое время. А эта ночная атака была тщательно подготовлена и хорошо проведена. В 15 минут все было кончено». На мое замечание, что делал он, Роунбэк ответил: «Бросился к окопам». Относительно того, захватил ли он с собой оружие, он сказал: «У меня не было времени», — «Оказали ли вы какое-нибудь сопротивление?» — «Это было невозможно. Земля горела под ногами, а бойцы Вьетконга были повсюду». Почти аналогичные ответы я получил от

Смита, Камачо и Мак-Клера, которые в момент атаки спали.

«Хорошо проведенная внезапная атака, — сказал Смит. — Меня разбудили взрывы прямо за казармами... Белый фосфоресцирующий минометный огневой залп... Через несколько минут все пылало... Раздались взрывы в блиндажах. Я кинулся к окопам... Спустя несколько минут бойцы Вьетконга настигли меня, связали руки и вывели через брустзёр». Я так же не могу представить партизана, бегущего к окопам безоружным, как слона — летающим. Оружие у них находится рядом с нейлоновыми сетками, в которых они спят, и вряд ли они вылезают из них, не прихватив оружие.

«Партизаны, захватившие меня, с самого начала относились ко мне очень внимательно, — заявил Роунбэк. — Я думал, что меня сразу же расстреляют, и это можно было прочесть на моем лице. Но когда этого не случилось ни в первый, ни во второй день, я решил, что прежде чем расстрелять нас, они хотят подальше уйти отсюда. Я нашел это естественным. Ведь партизанам трудно содержать пленных. Однако они сделали все, чтобы разгладить мои страхи».

«Каким образом? — спросил я. — У вас был какой-то общий язык?» — «Нет, — ответил он. — Но они похлопали меня по спине, помахали перед моим лицом руками, потрепали меня за плечо и вообще дали понять, что мне не следует беспокоиться». Он и другие заявили, что в течение нескольких месяцев они, не останавливаясь, передвигались по лодкам, то пешком, кружа во всех направлениях, пока совсем не запутались. Военную форму у них отобрали, а взамен выдали рубашки и брюки военного типа, по две пары каждому. Каждый жил в отдельном шалаше с соломенной крышей, который он должен был сам убирать. Раз в неделю они ходили в баню, а когда партизаны считали, что пленным надо побриться, то выдавали им кисточку, мыло и бритву. Как рассказывал Камачо, им также выдали все необходимые туалетные принадлежности: зубные щетки, зубную пасту, мыло и т. д. Каждый шалаш имел противозащитное убежище.

Я спросил Роунбэка, часто ли их беспокоили в пути воздушные налеты. Он ответил: «Самолеты показались в небе сразу же после атаки. Была ли от них какая-нибудь польза или нет, я не знаю. Главное, что меня, слава богу, не зацепило. Через два дня в воздухе появился «Б-26» и сделал 12 заходов, заставив меня нырнуть в неглубокий канал и переждать, пока все кончится. Я не знаю, задело кого-нибудь или нет. Во всяком случае, как я уже сказал, главное — это то, что, слава богу, я остался незрежим».

Мак-Клер был ранен во время атаки осколками мины. «Мне была оказана первая медицинская помощь на следующий день, а осколки мины были извлечены четырьмя днями позже, — рассказывал он. — Что же касается ухода за нами, то он был самым хорошим. Все относились к нам очень хорошо».

«Мне нездоровилось: что-то случилось с желудком. Они ухаживали за мной очень заботливо. Я не ожидал такого внимания, это было для меня неожиданностью», — отметил Камачо.

Я сказал, что они могут задавать мне любые вопросы, и был поражен отсутствием у них всякого интереса к тому, что происходит в мире, — им хотелось только, чтобы я сообщил их родным, что они живы и невредимы. У Камачо был почти трагический вид, когда он спросил: «Могу я задать один вопрос?» Я сказал, конечно, сколько угодно. «Вы слу-

чайно не знаете, кто завоевал звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе?» Случайно я знал кто, хотя и не принадлежал к числу болельщиков бокса. «Знаю, — сказал я. — Кассус Клэй победил Сонни Линстона нокаутом в седьмом раунде». Его лицо озарилось улыбкой, и он отошел со счастливым видом.

Совсем другими были вопросы, которые сыпались со всех сторон из уст молодых солдат Армии освобождения; вопросы касались буквально всего на свете, и мы разошлись поздно ночью. Солдат особенно интересовало отношение внешнего мира к их борьбе, а также развитие национально-освободительного движения в других странах. У них подчас было весьма туманное представление о географическом положении и государственном устройстве многих стран, о которых они говорили, но зато они хорошо знали, что их интересует, — и это не был результат чемпионата по боксу в тяжелом весе.

Такие события, как ранение Смита и Роунбэка в бою у Кан-То, — вещь весьма обычная в Южном Вьетнаме. «Моя жена сходила с ума от беспокойства после моего отъезда, — сказал Роунбэк. — Сколько наших друзей и знакомых было убито, ранено или пропало без вести после того, как они уехали в Южный Вьетнам! Первое известие, которое она услышала обо мне, — это то, что я ранен. А теперь, четыре месяца спустя, она узнает, что я попал в плен». Кстати, основной оклад Роунбэка был 335 долларов в месяц, плюс надбавка за службу за пределами США, плюс плата за прыжки с парашютом — всего 858 долларов в месяц, пока он находится в Южном Вьетнаме. Смит, будучи помощником врача и имея меньший стаж службы, получал первоначально 230 долларов, а сейчас получает 685 долларов — меньше всех из четырех военнопленных.

Я спросил Роунбэка, что он думает сейчас о войне, после того как у него было несколько месяцев для размышлений. Роунбэк ответил: «Это для меня загадка. Не могу понять, что к чему. Конечно, в качестве легального конституционного правительства сайгонское правительство вправе подавлять партизанское движение и просить нашей помощи. Но палка — о двух концах, и у партизан есть такое же право попытаться свергнуть правительство, если оно им не нравится... Что же касается того, кто выиграет или проиграет войну, а также из-за чего она ведется, то об этом у меня нет ни малейшего представления».

У южновьетнамского народа нет сомнений по поводу причин войны так же как они не сомневаются в том, кто окажется победителем. Для них это священная борьба за защиту их домашних очагов, за полное завоевание своей независимости. Я неоднократно имел случай убедиться, что Национальный фронт освобождения пользуется полной поддержкой народа, а это вернейший залог успеха. Однако я обнаружил, что руководители Фронта не разделяют

точку зрения некоторых западных корреспондентов в Сайгоне, что война закончится для них победой в ближайшие несколько месяцев. Правда, они абсолютно уверены в победе, и у них есть для этого все основания, но они считают, что война продлится еще несколько лет.

На мой вопрос о возможном прекращении войны при помощи излюбленного Сайгоном государственного переворота, который бы привел к власти силы, с которыми Национальный фронт мог бы прийти к соглашению, президент Фронта Нгуен Хыу Тхо ответил: «Мы не исключаем подобной возможности. Но строить свои планы в расчете на это мы не можем. В своих планах мы должны исходить из реальной оценки соотношения военных сил. Когда это соотношение будет явно в нашу пользу, то победа будет недалека».

Я поинтересовался, с какого рода режимом Национальный фронт освобождения согласен вести переговоры и на какой основе.

«Как мы неоднократно заявляли, — ответил он, — в интересах родины мы готовы вести переговоры со всеми партиями, группами, сектами, отдельными лицами и патриотами, независимо от наших политических разногласий или их прошлой деятельности, добиваться мирного решения южновьетнамского вопроса на основе национальной независимости, демократии и нейтралитета. Национальный фронт освобождения считает, что внутренние дела Южного Вьетнама должны решаться самими вьетнамцами без какого-либо вмешательства извне. Основой возможного соглашения должна явиться эвакуация всех американских войск и военного снаряжения».

Г-н Нгуен Хыу Тхо высказался за созыв международной конференции и заявил, что, по его мнению, «роль участников должна сводиться к выработке предложений и фиксированию соглашений, достигнутых между вьетнамскими заинтересованными партиями, а также предоставлению гарантий выполнения достигнутых соглашений».

Как я убедился, руководители Национального фронта освобождения реально оценивают обстановку и обладают гибкостью.

Они не требуют исключительных прав при формировании какого бы то ни было правительства, созданного в результате боевых побед или же государственных переворотов и контрпереворотов в Сайгоне. Но ясно, что они намерены вести продолжительную борьбу, постоянно вгрызаться в позиции противника от полуострова Камау на крайнем юге до 17-й параллели на севере, непрерывно укреплять позиции Национального фронта освобождения как в самом Сайгоне, так и в его окрестностях.

Если руководящие деятели США хотят избежать слишком точного повторения истории, им следует прекратить вмешательство в дела Южного Вьетнама. В противном случае их ожидает новое Дьен-Бьен-Фу.